

Глава XXVI

Джаспер видится с Агентом, а Читатель знакомится с Педларами

Если чувства Джона Джаспера были не из самых светлых, встретясь с Мистером Дэтчери, то теперь они, видимо, уж совсем почернели, простившись с ним. Предполагая, что лицо могло бы быть когда принято за «зеркало души», то в эту минуту, когда он проходит быстрыми шагами по *Высокой* Улице старинного городка, зеркало это отражает в себе громовые тучи самого опасного свойства. Подобное состояние сильнозаряженной электричеством атмосферы продолжается во все время, пока он не доходит до грязного переуллка, ведущего к реке. Тогда он быстро оборачивается, как бы желая убедиться, что никто не следит за ним, и, поворотя в переулок, продолжает направляться к цели.

Этот переулок Кафедрального городка далеко не делал чести жителям. Наружность его поражала прохожего своей невылазною грязью, а полуразвалившиеся стены так называемых домов грозили ежеминутно присоединить злополучного путника к числу тех, которых Дёрдльс так выразительно называл «Костлявыми». Требовалось более чем обыкновенной, отпускаемой судьбою смертным дозы воображения, чтоб представить себе, что в этих лачугах могли жить люди и не задохнуться. Изредка игриво вырывающийся из разбитого окна запах чеснока, сильно смешанный с ароматом доброго *джина*, напоминал истомленному в борьбе с грязью путнику о присутствии людей, которые если и забывали о законах чистоплотности, то зато хорошо помнили о необходимости подкрепления брэнной плоти своей. Как и более богатые города, Клоистергэм во всякое время имел налицо довольно нищеты, которая, несмотря на все старания более одаренных судьбою соседей герметически закрывать глаза перед этим фактом, так и лезла им при всяком случае в эти органы зрения. Почти на середине переуллка, между *Высокой* Улицей и рекой, стоял один дом, обращающий на себя более вниманья, чем остальные печальные «братья» его, по своей необыкновенно помятой, «какой-то вверх тормашками» наружностью; а так как для продолжения нашего повествования нам необходимо будет познакомиться с его обитателями, то для большей безопасности, взявшись за руки, читатель, мы войдем сперва в полуразваленную, грустно качающуюся по воле ветра на своей осиротелой петле дверь и взберёмся по скрипящей¹ лестнице, когда-то гордившейся необходимыми перилами, но которые за отсутствием, по всей вероятности, угольев печально окончили жизнь свою в хозяйском камине. Выбрав из трёх или четырех дверей первого этажа самую разбитую, мы войдем в комнату, где находятся в эту минуту три личности.

Одна из них был мужчина² около тридцати пяти лет с черными включенными волосами и с небольшими того же цвета глазами, с такими вдобавок густыми, взъерошенными бровями, что, глядя на них, никто бы не стал удивляться этим необыкновенно впалым глазам, до такой степени казалось натуральным, что подобные брови так далёко загнали их от страха назад, что они совсем попяtilись вовнутрь головы. То был мужчина атлетического сложения с высокими скулами и с медленной, неловкой небрежностью во всех движениях. Трудно было бы определить его национальность, если бы выговор у него не был чисто Английским. Всё его платье было грязно и так неловко сидело на нём, что можно было, не рискуя ошибиться, сказать, что оно досталось ему с *разных* плеч. Хотя наружность его при первом взгляде казалась свирепой и жестокой, но более наблюдательный зритель открыл бы в его жестких чертах нечто такое, что весьма основательно поставило бы его в тупик в отношении к этому джентльмену. Окрещен он был при рождении своём звучным именем Форпса³, но с годами таинственные друзья его и приятели переименовали это имя в более, по их понятиям, подходящее к нему прозвище – Фопперти⁴, которое и осталось за ним навеки с правильным присоединением к нему имени отцов его – Педлара.

Другая личность, украшающая комнату, – лэди, родительница Мистера Фопперти. Эта родительница, которой уж под семьдесят лет, далёко не слыла в околотке за добродетель. Вся наружность этой старухи как-то странно выражала сосредоточенную злобу с смесью тупоумия.

¹ скрипящей (*устар.*).

² мужчина (*устар.*).

³ Англ. Forbes.

⁴ Англ. Fopperty.

Она была толста и приземиста, и одно из плеч ее, вследствие ли болезни или просто причудливой игры природы, постоянно влекло её на одну и ту же сторону, придавая ей необыкновенное сходство с кривой трубой парохода, когда последний грациозно ныряет с волны на волну. Лицо этой приятной лэди отличалось серо-желтым отливом, как бы отсвечивающимся в ее редких волосах, зачёсанных за большие торчащие уши и собранных на макушке в крошечный пучок; этот пучок обладал тем удивительным свойством, что невольно заставлял подозревать всякого, останавливающего на нем свое внимание, будто он только что вырвался из-под когтей игравшей с ним кошки и поэтому не успел еще прийти в свое нормальное состояние. В настоящую минуту эта почтенная лэди находится не в духе и явно изливает свой гнев на крошечный, неподвижно стоящий перед нею узел грязных лохмотьев. Этот узел всхлипывает и оказывается худенькой девочкой лет семи, столь непохожей на двух других обитателей комнаты, что кажется совершенно непонятным, как она попала туда. Всё её нищенское одеяние доказывает правдиво, что она принадлежит к той злополучной категории детей, о которых никто не заботится и которые (да поможет им Бог) скоро научаются так же не заботиться ни о ком в свою очередь. Но всё же на лице ребёнка лежит светлой тенью печать изящной красоты и благородства. Всё ее личико, несмотря на орошающие его слёзы, дышит привлекательностью, а в больших голубых глазах, полных в эту минуту горькой тоски, светится понятливость не по летам ее. Прекрасные тёмные волосы девочки падают тяжелыми прядями на грудь и плечи, как бы желая скрыть наготу, едва прикрываемую нищенскими тряпками. Девочка эта называет старую ведьму «бабушкой», но соседи шепчутся меж собой, что Бесси⁵ никогда не была ей родной на самом деле. Тяжелая, непроницаемая тайна висела в действительности над рождением бедного ребёнка, и те же соседи готовы были присягнуть в том, что злая старуха колотила её с утра до ночи.

«Придёт ли то благословенное время, – визжала родительница Мист[ера] Фопперти, – когда твоя дурная голова поймёт что разумное? Или взяла я, прости Господи, на воспитанье к себе юродивую? Что толку с того, что я мучусь с тобой, чтобы вбить тебе, окаянной, в голову ум, когда всё это, тьфу-у-у! ветер!.. – и старая лэди, плюнув в избытке своей ярости на ладонь, злобно орошает упомянутый ею элемент. – Не воображаешь ли ты уж себе, что мы начинены золотом да серебром, что позволяешь себе раздавать направо да налево сикспенсы⁶ всем издыхающим чертенятам, что живут по соседству? Вона, полюбуйте-ка, просим, этой *деликатной* барышней, добрые люди! Ишь ты, нашлась какая мягкосердечная *Смарянка* (подразумевая, вероятно, Самаритянку)⁷, о которой болтал намедни в церкви Декан. Не любо ли глядеть на неё? Слышишь ли, Фопперти? Смарянка, маленькая лэди, да и только, да еще и босоногая... – и дошед до этого пункта свирепой иронии, Мистрисс Педлар издает какое-то карканье, выдаваемое ею за насмешливо злобный хохот. – Раздавать сикспенсы чужим мальчишкам, – продолжает она, горячася всё более и более, – мальчишкам, которым и нужды нет до нее, когда в эту самую пору бедная, старая ее бабушка страдает за тем, что нет у нее такого сикспенса, который помог бы ей купить себе капельку джину, доброго джину, что каждый *дохтур*⁸, – коль только он понимает людскую немочь, – скажет, что это одно лекарство и есть для неё, чтоб удержать душеньку ее в теле. На вот тебе за то, чертово отродье!..» – рычит она, ударяя девочку со всей силы кулаком в лицо. Девочка падает на пол как подкошенный сноп, а мегера снова бросается к ней с сжатыми кулаками и пенящимся ртом, но в эту минуту почтительный сын ее встает и, схватив свою родительницу в охапку, отбрасывает её в сторону с таким же хладнокровием, с каким бы он отбросил свой старый изорванный сюртук.

«Помаленьку, моя милэди! – говорит он ей, – полегче того... Вы уж и так добрались до того места, от которого добрые люди сворачивают с дороги. Бесси не учинила ничего уж такого страшного, коли правильно рассудить дело. Мальчуган-то ведь вытащил её намедни только из воды, и без его помощи девчонка *потопла* бы, так оно и справедливо даже выходит, что теперь её очередь поблагодарить его, чем может! Да к тому же, я час от часу жду кой-кого, кто не должен

---

⁵ Англ. Bessie.

⁶ Сикспенс (англ. Sixpence) – английская серебряная монета в 6 пенсов.

⁷ Отсылка к притче о добром самарянине, одной из известных притч Иисуса Христа, упоминаемой в Евангелии от Луки (10, 25–37). Она рассказывает о милосердии и бескорыстной помощи попавшему в беду человеку со стороны прохожего самарянина.

⁸ доктор (*прост.*).

видать девочку эту, как её колотят и как она заливается. Ну, поразмяли себе ручки, так оно и довольно будет на этот раз, а немного погодя я принесу вам стаканчик *лекарствеца*, да такого, что вы мигнёте не раз и не два после него...»

Обещание это, по-видимому, немного успокаивает раздраженные нервы старой лэди, а Фопперти поднимает рыдающую девочку и старается утешить её, привлекая внимание на невинную причину этой сцены – больного мальчика.

«Так как же, дитяtko, рад был Билли, когда ты принесла ему *апельсин* в гостинчик?» – ласково спрашивает он ребёнка.

Обрадованная этими ласковыми словами, маленькая Бесси сызнова начинает рассказ, навлекший на неё такую бурю, и с серьезным выраженьем в заплаканных глазках она уведомляет его, как «бедному больному Билли» захотелось апельсина, а у матери его не было денег, чтобы купить его. Тогда Бесси, вспомнив о найденном ею поутру на улице шестипенсовике, побежала и купила апельсин мальчику за эти деньги.

«О, Фопперти, как хорошо было у меня на душе после того, – говорила девочка, прижимаясь к нему с детской ласкою. – Билли так был рад, что я подумала про себя, что, верно, Бог, не дающий таким бедным детям, как мы, подобных лакомств во время здоровья, бережёт эти апельсины для больных, и что это Он сам послал мне деньги на улице. Разве это было так дурно с моей стороны, Фопперти?.. Ты знаешь ведь, что он спас мне жизнь», – добавляет она, как бы надеясь, что последний факт заставит забыть всё прочее дурное с ее стороны в этом поступке.

«Черта с два, – проговаривает, присвистнув, этот джентльмен, – чего тут дурного есть, ничего дурного нет, дитяtko, в этом. Полагаю даже, что, напротив, всё хорошее, хотя где уж ты могла научиться таким пассажирам или от кого, не могу придумать, знаю только, что ни от меня, ни от “старой”», – прибавил он задумчиво и подразумевая под этим характеристическим эпитетом свою драгоценную родительницу.

«Добрая ты девочка, Бесси, и хотя я, признаться, и ругаюсь крепко подчас, и пошумливаю сам, но всё ж таки не позволю никому другому так крепко уж обижать тебя, когда я здесь», – продолжает сей свирепой наружности джентльмен, косясь внушительно на свою маменьку.

Старинная педларовская кровь закипает снова и стариннейшая из Педларов снова привстает со стула; приковывая через всю комнату поближе к девочке, она становится возле нее с насмешливо-почтительным выражением на лице и говорит, низко кланяясь:

«Мисс Педлар, принцесса моя высокоблагородная, после всего, сказанного сыном моим, я должна низко, низко просить у вас прощения, видно, и обещать не лупить вас более. Так позвольте же мне, по крайности, хоть остаться в собственном доме, пока не выгонят, как того и следует мне ожидать...»

«Ну, ну, матка! – ввёртывает Мистер Фопперти. – Довольно, ведь вы знаете...»

Стук в дверь перебивает его речь, и, ласково толкая Бесси в другую комнату, он говорит матери:

«Живей, живей! Возьмите Бесси и ступайте к себе. *Тот* пришел... Смотрите, не дурите с девчонкой, не то для вас же будет хуже, как он уйдёт, живей!»

Почтительно подстрекаемая таким образом, Мистрисс Педлар уводит девочку или, правильнее сказать, балансирует с нею до соседней двери, в которой и исчезает.

Фопперти отворяет посетителю и является – Джаспер.

«Давненько уж я поджидаю вас, сэр, – говорит ему хозяин, – я уж было думал, что и не придете... Да вот пообещался, так и сидел, поджидая».

«Очень благодарен за то, Педлар, – холодно отвечает «Музыкальная Особа», – так не станем же терять времени».

Усевшись на двух стульях, грустно вспоминающих о своей давно прошедшей здоровой юности, Джаспер в продолжение нескольких минут молчит, неподвижно вперив взор на грязный пол, подпрыгивающие половицы которого напоминают о клавишах старинного, разбитого фортепьяно. Помолчав, он медленно спрашивает:

«Эта Бесси, которую некоторые... глупцы считают моей... дочерью... у вас ли она еще?»

«Бесси у нас еще... так точно, – мрачно отвечает Мистер Фопперти, и черные глаза его медленно уходят в самую глубину впадин, драпируясь непроницаемой завесой бровей. – Чем

меньше будет говорено между нами о ее отце, тем оно будет лучше. Бетси добрая девочка и заслуживает лучшего отца, кто бы он ни был!»

Джасперовское лицо краснеет немного, но сам Джаспер холодно отвечает:

«Я спрашиваю вас об этом только потому, что так давно потерял вас всех из виду; и вероятно, что еще столько же времени прошло бы в этой неизвестности, если бы вы не сказали мне наемдни на улице, что вы все переселились в эту глушь».

«Что ж, разве вы для того только и назначили мне свиданье, чтобы сказать это?..» – спрашивает Фопперти грубо.

«Не торопитесь так, любезный, – отвечает Джаспер, стараясь успокоить своего нервного собеседника. – Мы сейчас же примемся за дело... за то дело... которое я желаю вам предложить... Плата будет хорошая и... и...»

Не зная, как продолжать, Джаспер ждёт ободрения из уст Фопперти. Но Фопперти молчит и свирепо кусает грязные ногти⁹.

«В Блумсбёри-Сквере¹⁰, – продолжает нерешительно Регент, – живёт вдова по имени Билликин¹¹...»

Снова пауза.

«Да, там живёт вдова...» – начинает он опять.

«Я и не мешаю ей жить там», – коротко отвечает Мистер Фопперти, принимаясь за ногти другой руки.

«В ее доме, где отдаются разные квартиры внаём, живет также одна молодая лэди, посредством которой... я желал бы... секретно узнать о местопребывании другой... особы».

«Так и спросите у нее самой», – бурчит свирепый Фопперти.

«Нет, не то... Я желаю, чтобы вы наняли себе в том же доме комнату и... чтобы, неусыпно следя за этой лэди день и ночь, вы постарались бы узнать... проведать... где живёт молодой человек по имени Ландлесс¹², – он живёт с сестрой, и я почти уверен в том, что где-нибудь недалеко – там же в соседстве. Имя этой лэди – Мисс Роза Бёд; поняли ли вы или нет?»

Фопперти, который по очищении своих ногтей сидел всё время опираясь локтями на стол, а подбородком в растопыренные руки, смотрит теперь, не спуская глаз, на Джаспера, как бы намереваясь вычитать всю его подноготную разом, а потом уже отвечать положительно. При последней фразе гостя глаза его снова вползают в обыкновенное свое потайное место – и на несколько минут совершенно исчезают; мало-помалу они снова появляются на Божий свет, вероятно, после таинственной конференции с головой и устремляются на Джаспера с тем же сосредоточенным вниманьем, а широкий рот раскрывается и произносит следующую неприятно поражающую Джаспера фразу.

«На какого черта нужно вам это знать?..»

Джаспер оправляется и говорит, что он подозревает Ландлесса в убийстве своего племянника и поэтому ищет его в соседстве [с] Мисс Бёд, зная дружбу ее к его сестре.

«Так не лучше ли вам прямо обратиться для того к тайной полиции?» – продолжает Мистер Фопперти, смотря на него так же пристально.

«Я имею на то свои *особенные* причины, чтобы не желать обращаться в настоящую минуту к полиции, – отвечает Джаспер, видимо обеспокоенный и неприятно пораженный этим взглядом. – Я объяснил вам, чего я желаю от вас. Согласны вы или нет?»

«Ну, а насколько же вы желательны раскошелиться? Этого-то вы и не сказали еще?..» – осведомляется Мистер Фопперти, и глаза его снова исчезают и заменяются бровями.

Мистер Джаспер упоминает что-то о десяти фунтах, если поручение удастся.

Снова вернувшись после прогулки, глаза вылезают и мигают утвердительно, а Мистер Джаспер встает, чтобы проститься.

«Кстати, – замечает Музыкальный Учитель, как бы припоминая что. – Я не видал еще вашей матери, ни... этой Бесси... Дома ли они?..»

«Дома, – мигает Мистер Фопперти, – я позову их сейчас».

---

⁹ Далее зачеркнуто: *свои*.

¹⁰ Блумсбер-сквер (*англ.* Bloomsbury Square).

¹¹ *Англ.* Billickin.

¹² Ландлес (*англ.* Landless).

И, не трогаясь со стула, призывает мать и девочку.

Мистрисс Педлар является на зов с такою быстротой, из которой легко можно вывести заключение, что почтенная матрона занимала во всё время вышеприведенного разговора самую удобную позицию в ближайшем соседстве с замочной скважиной. За нею является Бетси.

Джаспер кивает старухе головой и устремляет любопытный взгляд на девочку, протягивая ей руку. Но Бетси не берёт его руки, а ретируется за спину Фопперти, который, несмотря на все свои недостатки, искренно любим бедным брошенным ребенком.

Мистер Джаспер немного обижен ее отказом пожать ему руку и осведомляется с иронической злобой от Фопперти о причине этого странного отказа и от чего он происходит – от робости ли, или же от какого-то непонятного чувства отвращения к его Джасперовской особе?

«Что до этого, – отвечает насмешливо младший Педлар, – то в этом ее воля! Дитё это, как и все мы, грешные, – продолжает он, ласково глядя её по голове, – имеет любимых своих и *не* любимых. Может, коль чаще станет видать вашу милость, да попривыкнет, так вы и полюбитесь ей. Правда, что ли, Бесс?»

«Я не люблю таких черных глаз, как у него! – отвечает Бетси, указывая на Джаспера пальцем. – Я часто вижу во сне, – а сны эти всегда страшные, – такие точно глаза, и они пугают меня... Я их постоянно вижу перед собой всякий раз, как мне снится бедная мама. Спроси его, Фопперти, знал ли он мою дорогую маму, прежде чем умерла она?..»

Во всё время, пока она говорила, девочка ни разу не взглянула на Джаспера. Казалось, что-то отталкивающее, внушающее ей страх и ужас виделось ей в лице Музыкального Учителя, и она дрожала, прячась за Фопперти.

«Дитя, – сурово проговаривает Джаспер после минутного молчания, – я жалею, что ты чувствуешь ко мне такое... нерасположение и по такой глупой причине. Глаза мои таковы, какими их сотворил Бог. Ты не станешь, надеюсь, укорять Бога за то?»

Медленно повернувшись к говорящему, но всё не глядя на него, девочка отвечает ему дрожащим голосом, в котором звучат *не* детские слёзы.

«Нет, я не стану укорять Бога... Его творения все хорошие, пока люди не сделают их худыми... не испортят их сами, когда они злые, сэр! – добавляет она с таким взглядом, что по глазам легко можно принять её за совершеннолетнюю девушку. – Сэр, вы злой человек... Я это чувствую!»

Джаспер отворачивается и бледнеет.

«Вот тебе и на! – восклицает престарелая Педлар, сидевшая до того в полном безмолвии. – Поди-ка ты, как умно говорит. Славная манера разговаривать с джентльменом! Удивляюсь, сэр, – продолжает она, обращаясь к Джасперу, – как это вы не накинетесь на неё и не отколотите порядком! Родненькие мои, что за девчонка бессердечная! Да что и говорить, ведь она никого не любит! Учила я её, учила, да уж и устала учить...»

Но тут огорченная воспитательница снова бесцеремонно остановлена покорным сыном своим:

«Ну, ну, matka, – перебивает он её, – довольно уж вы переливали из пустого в порожнее... Чего вы опять лезете к ней?.. Мистер Джаспер наслушался уж достаточно вашего вранья!»

«Творец мой милостивый! – вопит старуха. – Гляньте-ко да полюбуйтесь, как *поштительны* некоторые сыновья к своим родителям!»

И мгновенно распухнув в лице от ярости, оскорбленная лэди отходит в сторону, бормоча про себя угрозы.

Во всё время этой семейной сцены Джаспер внимательно рассматривал девочку.

«Она еще более стала похожа на мать, – говорит он Фопперти, – чем когда я видал её в последний раз у вас; но тогда она была крошечным ребёнком. Помнишь ли ты свою мать, Бетси?»

Как ни было сильно в ней чувство отвращения к Джасперу, но последний вопрос заставляет её забыть всё. Повернувшись к нему лицом к лицу на этот раз, вся худенькая фигурка ребёнка ее дрожит и выпрямляется. Вперив в него жадно свои большие голубые глаза, бедная Бетси восклицает голосом, который мог бы тронуть самое каменное сердце:

«Помню ли я её?.. Не дай Бог, чтобы я когда-либо забыла мою бедную дорогую умершую мать! Сколько раз желала я сходить, куда её закопали! Когда бы только знать мне, где её найти, чтобы положить мне на неё цветочков, которые она так любила, да попросить её, крепко

попросить, чтобы бедная она, мама моя, хоть разочек взглянула на свою маленькую девочку, которую она здесь покинула; да рассказать ей, как молюсь я каждый день, чтобы она скорее взяла меня к себе!»

Рыдания прерывают этого странного ребёнка. Прижав бледное личико к груди Фопперти, она вся дрожит от волнения и стонет в своём неукротимом горе.

Почему лицо Джаспера так бледнеет теперь? Почему устремляет он такой мёртвенно-неподвижный взгляд на этого ребёнка, который как бы инстинктивно ищет покровительства на груди сильного мужчины, грубого, но доброго?.. Не смутно ли ему представляется в этом детском образе другой образ, – с лицом почти столь же детским, как и это личико, столь разительно на него похожее, – который рыдает у *него* на груди, умоляя *его*, так жестоко обманувшего её, не доводить её до последних пределов отчаяния, потому что если он покинет её и не оградит, то стыда своего она не может более скрывать? Не виденье ли это, которое шепчет ему, напоминая о другом лице, озарившемся такой небесной радостью, услышав обещание брака, на следующий же день брошенное им на произвол судьбы, бессердечно покинутое, несмотря на произнесенную клятву, – и умеревшее от стыда и отчаяния?

Закинув голову назад и отводя от мокрого от слёз лица густые волосы, девочка, наконец, успокаивается и продолжает, как бы обращаясь к Джасперу:

«Нет той ночи, в которую я не видала бы маму, и всё мне кажется, будто бы она обнимает меня и голубит; как во сне помню я, как заснула я у неё на руках, которые, когда проснулась я, сделались такими холодными, что я не могла их согреть; помню я тоже, как меня вынули из этих рук, таких худеньких и бледных... и все стали говорить, что мама моя умерла и что ангелы понесли её к Богу; и всё мне слышится с тех пор, как говорит она мне, что я её несчастная, бедная девочка, что мне придётся отвечать за грехи других и что я... сиротка... да, сиротка!»

Фопперти ласкает девочку и утешает. Джасперовское сердце чувствует какое-то непонятное для него стеснение, и он стоит неподвижно, вперив взор на грязный пол комнаты.

Мистрисс Педлар, несмотря [на] свою зачерствелость, – женщина; и, принадлежа к этому прекрасному полу, она не может удержаться, чтоб не воспользоваться удобным случаем и не ввернуть словечка, следуя примеру сестёр своих, о собственном таком же случившемся и с нею несчастии, и заставляет вспомнить присутствующих, что и у этой почтенной старой лэди была когда-то мать, как это издавна заведено природою для всех, что эта мать также умерла; и принимается живо описывать *свои* собственные сенсации¹³ по поводу этой печальной минуты.

«Помню я, милые мои, как было это *мне* горько! Ой-ой-ой, как горько! Такая тебя боль щемит за сердце, что просто хуже... зубной боли иль... примером сказать – мозолей... и... и...»

Окончив это поэтическое сравнение, Мистрисс Педлар поставлена в тупик и, не зная как продолжать, устремляет горестно-вопросительный взгляд на Джаспера, как бы говоря ему: «Ну, теперь, сэр, за вами очередь!»

Мистер Джаспер выходит из своего летаргического состояния и бормочет девочке что-то вроде похвалы за такие чувства к памяти умершей матери.

Ребёнок подымает на него свои печальные глазки и неожиданно спрашивает:

«Вы знали мою маму, сэр?»

Немного озадаченный, Джаспер оправляется однако же и отвечает с расстановкою:

«Да – несколько лет тому назад – я – слышал об ней».

«Так зачем же вы не помешали ей умереть? Когда я вас увидела здесь сегодня, то тотчас же вспомнила об ней... Хотите ли, я расскажу вам почему? Раз, когда мы с бабушкой легли спать, мне приснился сон, да такой ясный, что если б не бабушка разбудила меня, то я бы подумала, что оно в самом деле *было так*, – говорит Бетси своим детским лепетом. – Я гуляла в таком прекрасном, большом саду, где были такие чудесные деревья и цветы, и со мною гуляла моя дорогая мама. Я бегала и рвала цветы и плела их в веночки для мамы, которая целовала меня и называла своей доброй, милой девочкой! Вот гуляем мы и доходим до одного большого дерева, и на нём висят такие чудесные спелые ягоды, что так и хотелось их попробовать. Вот я и говорю маме: “Мама, давай нарвём этих красных, красивых ягодок!” А она смотрит на меня так печально и грустно, а сама плачет... и идет к дереву; только что она сорвала две-три ягоды, как вдруг дерево разломилось на две части и из него вышел такой страшный человек, – лица его я не помнила, но

¹³ чувства (*англ. sensors*).

глаза у него были точь-в-точь такие, как ваши... – такие же черные блестящие злые глаза, – и он, схватив маму, потащил её прямо в это дерево, которое замкнулось за ними, и мама моя пропала!.. Я стала кричать и звать её, и вдруг слышу её голос из дерева, да такой слабый да печальный: “Дитя, никогда не желай, – говорил он, – таких красных ягод... Вот, видишь ли, я погналась за ними, нарвала, а теперь и наказана за то”. Тут я проснулась и стала кричать и плакать, но сна не забыла».

Девочка умолкает и смотрит вдаль своими задумчивыми, голубыми глазами. Мущины смотрят на неё, в свою очередь, в каком-то молчаливом изумлении, пораженные оба, но не одинаково, этим детским рассказом. Фопперти многозначительно качает головою, а Джаспер, еще более побледнев, силится заговорить с нею.

«Дитя, – бормочет он, заикаясь, – ты не должна придавать значения таким глупым и нелепым видениям. Я вижу, что за тобою нет достаточно присмотру... Мистрисс Педлар, – продолжает он, обращаясь к невозмутимо нюхающей табак старой лэди, – вам следует обращать более вниманья на ребёнка!.. Она, видимо, слишком много предоставлена самой себе, её бы следовало развлекать и...»

«Легко приказывать, сэр, – огрызается внезапно эта достойная особа, – развлекать... забавлять... а на какие деньги, прости Господи, стану я развлекать её? *Те*, которым следовало бы заботиться о ней, не хотят того делать, а *те*, которым это было бы желательно и по сердцу, – не могут!.. К тому же, разве она похожа на других детей? Да она и не захочет сама идти на улицу да поиграть с другими ребятами. Ведь мы барышня!.. Деликатная лэди!»

«Надеюсь, по крайней мере, – продолжает Джаспер, – что вы оба станете избегать частых разговоров с нею о её матери... Воображенье её слишком расстроено... Это опасно... Вот возьмите, это для нее одной, и я желаю видеть её более прилично одетую в следующее мое посещение!»

И он бросает на стол перед старухой несколько золотых соверенов¹⁴. Обращаясь к Фопперти, он спрашивает его, прощаясь:

«Так решено, и вы поняли мое порученье?»

«Понял», – отвечает Фопперти.

Совсем стемнело, когда Регент вышел на улицу, и ночные тени ложились длинными полосами вдоль переулка. Он достиг уже почти до Высокой Улицы, когда слух его неприятно поражается пронзительным свистом, которому, как эхо, отвечает свист летящего к его ногам камня, а знакомый визгливый голос восклицает в то же время: «Берегись!»

Быстро обернувшись, Джаспер зрит в нескольких шагах от себя Депутата, который, по-видимому, внимательно наблюдает за ним.

«Ты, чёртово отродье! – восклицает Музыкальный Учитель в внезапном пароксизме ярости, – это ты что шпионишь за мною, а?»

«Ан врѣшь! – учтиво отвечает сей юный джентльмен. – Вовсе и не думал шпионить за вами. Я только целился вона в эфтог столб, что за вами, чтоб вернее набить руку себе».

«Клянусь тебе Богом, – продолжает Регент, – что если я еще раз встречу тебя, шатающегося возле меня и подсматривающего, то разорву тебя всего на мелкие лоскутки!»

«Смотрите-ка вы в оба, Джарспер, да берегитесь, чтоб вас самого не разорвали бы в лоскутки! – нахально отвечает мальчишка, вооружаясь другим камнем и залившись снова в хриплой импровизации:

Чуде, чуде – чай,
Уинк, уинк – поздно не гуляй,
Уйде, уйде – чу,
Не то – я – не – спущу!

И исчезает в таинственно освещенном луною разломанном заборе, словно какой злой дух, вырвавшийся на ночную прогулку. Джаспер спешит домой с такими чувствами в груди, которым редко бы кто позавидовал.

¹⁴ Соверен (англ. sovereign монарх) – британская золотая монета.